

ТЕКСТ. КОНТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-105-121

Г. П. Козубовская¹

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

ПОЭЗИЯ А. А. ФЕТА И М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

В статье поставлена проблема «А. А. Фет и М. Е. Щедрин», лишь эпизодически поднимавшаяся в отечественном литературоведении советского периода. Уделено внимание биографическому и историко-литературному аспектам. Предпринята попытка систематизации критических оценок, данных Щедриным поэзии Фета. Рассматривается специфика позиции Щедрина, который, по утверждению Ю. В. Лебедева, не дошел до полного «разрушения эстетики», как это случилось у Писарева и В. Зайцева, и некоторые приемы поэтики критики (напр., диалог с читателем). Показано, что двойственность позиции критика, с одной стороны, понимающего эстетическую ценность поэзии Фета, с другой, обесценивающего ее приложением к ней теоретических идей революционной демократии, просматривается и в прозе Щедрина, неоднократно цитирующего строчки поэзии Фета. Выясняются семантика и функции «чужой речи» в прозе Щедрина, исследуются механизмы цитирования в разного рода обыгрывании фетовских цитат.

Ключевые слова: А. А. Фет, биографический эпизод, диалог с читателем, М. Е. Салтыков-Щедрин, «мошьоловая поэзия», музыкальность, ольфакторий, пародия, романс, цитата, «чужая речь»

G.P. Kozubovskaya

Altai State Pedagogical University (Barnaul)

POETRY BY A.A. FET AND M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

The article deals with the problem of “A.A. Fet and M. E. Shchedrin”, which was only occasionally raised in the domestic literary criticism of the Soviet period. Attention is paid to biographical and historical-literary aspects. An attempt is made to systematize the critical assessments given by Shchedrin to Fet’s poetry. The article considers the specifics of Shchedrin’s position, which, according to Yu.V. Lebedev, did not reach the complete “destruction of aesthetics”, as happened with Pisarev and V. Zaitsev, and some techniques of poetics of criticism (e.g., dialogue with the reader). It is shown that the duality of the critic’s position, on the one hand, understanding the aesthetic value of Fet’s poetry, on the other, devaluing it by applying theoretical ideas of revolutionary democracy to it, is also seen in Shchedrin’s prose, repeatedly quoting lines of Fet’s poetry. Semantics and functions of “someone else’s speech” in Shchedrin’s prose are clarified, the mechanisms of quoting in various kinds of beating Fetov quotes are investigated.

Keywords: A. A. Fet, biographical episode, dialogue with the reader, M. E. Saltykov-Shchedrin, “moth poetry”, musicality, olfactory, parody, romance, quote, “someone else’s speech”

¹ Галина Петровна Козубовская – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

В историко-культурной ситуации середины XIX века идейные позиции А. Фета и М. Е. Салтыкова-Щедрина полярны.

Несмотря на то, что Фет и Салтыков-Щедрин сотрудничали в «Современнике» и в «Отечественных записках», очень мало свидетельств о личных встречах писателя и поэта. Немного упоминаний о Щедрина и его произведениях у Фета.

Так, В. П. Боткин в одном из писем сообщает Фету о новой повести Щедрина «Жених», с которой началось сотрудничество его с «Современником»: «... прочли и растопырили руки от недоумения. Так вот теперь за какие повести журналы платят огромные деньги; значит публика любит их – и как Щедрин сделался популярным...» (письмо от 26 ноября 1857 г. [ЛН, 2008, с. 231]). Повесть сам Щедрин считал неудачной и впоследствии никуда ее не включал. По поводу успешной продажи книг Щедрина Фет размышляет таким образом: «Вообрази, что сочинение Щедрина вышло и разошлось 6 000 экз. и гр. Ростопчиной после нашего свидания в Петербурге было уже еще не одно издание и в огромном числе экземпляров. У Щедрина пожалуй есть о воровстве и взяточничестве, а у нее, кроме полной чепухи, нет ничего. Отчего же ее так алчно покупают?» (письмо к Боткину от 27 декабря 1857 / 8 января 1858 г. [ЛН, 2008, с. 243]). В 1857 г. Фет сообщал Боткину о намерении Л. Толстого написать о своем негодовании на редакцию «Современника», которая увлеклась губительным для художника полицейским направлением Щедрина с братией (письмо от 10/11 декабря 1857 г. [ЛН, 2008, с. 238]). Заслуживает внимания беседа Н. Н. Страхова с М. М. Стасюлевичем, назвавшим 5 первоклассных, с его точки зрения, писателей (Некрасов, Тургенев, Салтыков, Л. Толстой и Гончаров), предполагая присовокупить еще и Алексея К. Толстого: «Ну...<...> я буду стоять за своих – Фет, Майков, Полонский – все выше Ал. Толстого» (письмо Страхова Фету от 28 октября 1878 г. [ЛН, 2011, с. 255]).

Факт своего знакомства с Щедриным (1858 г.) Фет зафиксировал в мемуарах: «В доме Толстых я познакомился с Б. Н. Чичериным и Салтыковым (Щедриным), с которым после того судьба еще раз свела меня в Петербурге у Тургенева» [МВ, 1992, т. 1, с. 231].

В мемуарах Фета описана одна из его встреч с Щедриным (комментаторы называют дату – 1864 г., сам Фет, как известно, не любил всякого рода числа). Не желая возобновления знакомства, Фет, сев в углу и закрывшись газетой, стал свидетелем разговора Щедрина и Тургенева о фалангах – об устройстве быта «новых людей». Согласно Фету, Тургенев «срезал» восторженного гостя своим вопросом о детях. Ответ Салтыкова («Детей не полагается») [МВ, 1992, т. 1, с. 368]²) вызывает сомнение у другого мемуариста Н. К. Михайловского, кото-

² См. интерпретацию Фетом реакции Тургенева: «Когда по уходе гостя я спросил: ‘как же это не полагается детей’ – Тургенев таким тоном сказал: «это уж очень хитро», – что заставляет вместо хитро понимать нелепо» [МВ, 1992, т. 1, с. 368].

рый не с чужих слов знает о любви писателя к своим детям и помнит об особом настроением, которое владело Щедриным в момент рождения сына. Сомнение в достоверности описанного связано с тем, что «маститый певец соловья и розы» для Михайловского – яростный защитник самодержавного строя, который из нелюбви к Салтыкову готов сгустить краски [Михайловский, 1975]. Этот эпизод, очевидно, следует рассматривать в контексте ситуации с ненапечатанной статьей Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (статья написана в соавторстве с В. П. Боткиным и, как сообщают комментаторы, «Фет, так сказать, отвечал за “художественную часть”, Боткин – за “социально-экономическую”») [Фет, т. 3, 2006, с. 428]³. Считая роман нехудожественным, Фет разгромил «теорию разумного эгоизма», показав ее несостоятельность, а заодно и автора как писателя без таланта⁴.

Одно из первых упоминаний о Фете – в письме Салтыкова к П. В. Анненкову от 29 января 1859 г. из Рязани [Салтыков-Щедрин, т. 18/1, с. 210]⁵. Салтыков на этот момент является сотрудником журнала «Современник», но в редакцию пока не входит⁶. Имя Фета возникает в связи со статьей А. В. Дружинина «О стихотворениях Майкова» (Б-ка для чтения, 1859, №1). Именуя Дружинина «сладчайшим» (слово из лексикона поэзии середины века), Салтыков вкладывает в это определение особый смысл, иронизируя над критическими оценками «даровитейших», по мнению Дружинина, поэтов, – Фета, Тютчева и Некрасова. В емких

³ См. у Фета: «Мы с Катковым не могли придти в себя от недоумения и не знали только, чему удивляться более: циничской ли нелепости всего романа, или явному сообществу существующей цензуры с проповедью двоеженства, фальшивых паспортов, преднамеренной проповеди атеизма и анархии со стороны духовного законоучителя, которому такая пропаганда в казенных заведениях тем сподручнее, что он профессор и щит. Катков просил меня написать рецензию на “Что делать”; а Боткин, собиравшийся в Степановку, обещал свое сотрудничество в этом деле» [Фет, т. 3, 2006, с. 429–430]. И далее: «... я тотчас принялся за разбор романа “Что делать”. А Боткин между прочим иллюстрировал мой разбор коммунистическими эпизодами парижской жизни, коих был в 1848 году свидетелем» (Там же, с. 431).

⁴ Две статьи Фета («Что делать?» – о романе Н. Г. Чернышевского и «Что случилось по смертни Анны Карениной» в “Русск-ом Вестнике») – о романе Л. Н. Толстого – в печати не появились. Но, как считают комментаторы, «между тем именно эти статьи, посвященные произведениям, вызвавшим огромный читательский интерес, могли бы прозвучать особенно остро, своевременно и привлечь внимание читателей к Фету как критику» [Сорочан, 2006, с. 422]. См. разбор романа [Сорочан, Строганов, 2006, с. 428].

⁵ Произведения и письма М. Е. Салтыкова-Щедрина цитируются по: Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977. Далее номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

⁶ Кроме фундаментальных трудов, см., напр.: Самосюк Г. Ф. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современнике» (к истории внутриредакционных отношений 1862–1864 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1971.

формулах, иронично обыгрывающих «восторженную» точку зрения Дружинина⁷ («Майков хорош, Тютчев прелестен, Фет мил», т. 18/1, с. 210), уже проскальзывает недовольство Салтыкова, убежденного, что отсутствие критического начала в рецензиях – своего рода благодущие – вредит как авторам, так литературе в целом, т.к. устраняется основная функция критики – вести диалог с писателем, указывая не только на сильные стороны его таланта, но и на просчеты. Салтыков окрестил такую критическую деятельность выразительным словечком «благовестит», заимствуя его у критика Дудышкина: формулой «благовест искусства» тот наделил «вершинные» произведения литературы (таков, напр., для Дудышкина напечатанный в «Современнике» гончаровский «Сон Обломова», тогда как Салтыков видит в нем неудачу Гончарова).

В письме к А. Н. Пыпину от 15 августа 1863 г., который на тот момент являлся ответственным редактором журнала «Современник» (совместно с Некрасовым), Салтыков уведомляет адресата о том, что «взял для разбора стихи Фета...» (т. 18/1, с. 277). Рецензия на сборник Фета («Ст-ия А. А. Фета. Изд. К. Солдатенкова. 2 части. 1863») была опубликована в «Современнике» (1863, № 9, отд. 11, с. 83–89)⁸.

В рецензии в соответствии со своим принципом дельной критики⁹, Салтыков сразу ставит точки над *i*, определяя место Фета в русской поэзии, причислив его к «второстепенным» поэтам (понятие заимствовано у Н. А. Некрасова, статья которого «Русские второстепенные поэты», опубликованная в «Современнике» – 1850. №1, была посвящена преимущественно Тютчеву)¹⁰.

⁷ В ситуации идейного размежевания противоположные стороны часто распрямляют чужие оценки. Так, Щедрин не заметил, что эстетическая критика указывает и на слабые стороны поэзии Фета, в том числе и на его односторонность. См. об этом: [Сорочан, 2006, с. 428].

⁸ См. «оправдание» Щедрина: «Известная жесткость щедринских социально-эстетических оценок, сама по себе кажущаяся чрезмерной, психологически оправдана в контексте “трудного времени” 1860-х годов, когда мощные социальные катаклизмы потрясали Россию» [Лебедев, 1983, с. 114]. Позицию Щедрина Лебедев связывает с «социально-этическим максимализмом», который и мешал оценивать по достоинству некоторые произведения.

⁹ О Щедрине-критике см.: Алякринская М. А. Литературная критика М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01. Л., 1990; Лебедев Ю. В. О проблематике и поэтике литературно-критических работ М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русская литература. 1983. № 3. С. 112–128; Лаврецкий А. Щедрин литературный критик. М.: Художественная литература, 1935; Чернец Л. В. О критическом методе Щедрина // «Шестидесятые годы» в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Калинин, 1985. С. 30–41 и др.

¹⁰ См.: Лаврецкий в анализе рецензии Щедрина реконструирует логику критика: «Эта поэзия, ищущая в зачаточных чувствах без объекта приправы к пресному усадебному житию, придумывающая скорбь как средство самоуслаждения, не может, конечно, быть художественно полноценной для революционно-демократического критика. Неопределенность делает эту “эмбриональную” поэзию монотонной, обилие мелькающих образов, на которых рассеянно-праздный взор поэта не может сосредоточиться “делается наконец равносильным совершенному их отсутствию”» [Лаврецкий, 1931, с. 591].

В рецензии просматривается двойственность позиции критика: с одной стороны, тонкое природное чутье Салтыкова, позволяющее признать незаурядность таланта Фета-поэта (так, по поводу стихотворения «Шепот, робкое дыханье» он отметил: «Бесспорно, в любой литературе редко можно найти стихотворение, которое своей благоуханной свежестью обольщало бы читателя в такой степени...», т. 5, с. 383), с другой – тенденция, базирующаяся на требовании общественного содержания в литературе (Салтыков следует за Чернышевским, обозначившим функции литературы в трактате «Эстетические отношения искусства к действительности»). Нельзя не отметить, что Салтыков – один из первых, кто уловил специфику поэзии Фета, указав на ольфакторную составляющую его поэтики (Другие, в частности, представители эстетической критики, выделяют преимущественно музыкальное начало и т.д.).

Позиция Салтыкова – между Ф. М. Достоевским (статья «Г-н бов и вопрос об искусстве» опубликована в журнале «Время», 1861, № 2) и поэтами революционно-демократического направления (напр., искровцами, которые в своих пародиях на Фета, буквально издевались над «бессодержательностью», «мелкостью содержания», «бессмыслицей» его поэзии). Ф. М. Достоевский, реконструировав гипотетическую ситуацию поведения толпы во время Лиссабонского землетрясения, столкнул «злободневное» и «вечное» в оценке поэзии Фета, очертив ее перспективы [Достоевский, 1978, т. VIII].

Безошибочно точно обрисовав поэтический мир Фета (ключевые образы: «вечер весенний, вечер летний, вечер зимний \diamond, кончик ножки, душистый локон и прекрасные плечи», т. 5, с. 386, и переживания – «своенравный каприз», «тревоги желания», т. 5, с. 383), критик использует запрещенный прием, выдвигая на первый план то, чего нет у Фета, вследствие чего специфическое оборачивается «недостаточным» (у Фета нет определенно обозначенного чувства – есть стыдливые начатки чувства, нет четко сформулированной мысли – есть «робкий, довольно темный намек на нее», «нет живых вполне определившихся образов» – есть «бледноватые очертания их», т. 5, с. 383). В замыкающих рассуждения формулах – «слабое присутствие сознания» и «полудетское мирозерцание» – приговор. Ироничный выпад против Фета («эмбрионичная» поэзия) несколько смягчен сравнением с Гейне (именно Гейне объявлен стоящим у истоков этой поэзии), но сравнение это не в пользу Фета: у Гейне большее разнообразие оттенков чувств. Заметим: есть точки соприкосновения Фета и Щедрина – оба в юности находились под сильным влиянием Гейне¹¹.

Впечатление свободной формы рецензии Салтыкова обманчиво: за музыкальностью композиции (варьирование одного и того же тезиса о том, что поэтический мир Фета «довольно тесен, однообразен и ограничен», т. 5, с. 383) –

¹¹ См. о Щедрина и Гейне: Салтыков-Щедрин писал, что Гейне для него – «сочувственнейший из всех писателей», Михаил Салтыков-Щедрин: «Я еще маленький был, как надрывался от злости и умиления, читая его» (письмо А. В. Дружинину от 18 октября 1859 г. [т. 18/1, с. 215]).

железная логика критика, внушающего читателю свою идею. Диалог с читателем¹² строится таким образом, что сознание Автора рецензии, расщепляясь, сначала моделирует точку зрения неискушенного Читателя, перевоплощаясь в него («стихотворные ребусы без картинок» – формула читательского недоумения), но потом, дистанцируясь от Читателя, критик превращается в наставника, разъясняющего читателю законы поэзии, программируя при этом «правильное» впечатление: «недоконченные штрихи, по которым внимание скользит, не останавливаясь, и которые... производят смутное и малопродолжительное» впечатление (т. 5, с. 384). Виртуозная игра, построенная на доказательстве необходимости социальности в поэзии (социальность – главный критерий Салтыкова-Щедрина), завершается аналогией «поэзия Фета» – «поэтическая трапеза», «поэт» – «повар»: используя символический язык изящной поэзии, ее метафорические формулы, Салтыков выворачивает их наизнанку, в очередной раз повторяя мысль о неизбежной исчерпанности скудного содержания и «творческих средств» такой поэзии¹³.

В другой рецензии «Петербургские театры. Наяда и рыбак» (статья набрана, но изъята цензурой), Фет упоминается для сравнения степени «неразвитости» современного искусства: «Балет находится в состоянии еще более младенческом, чем поэзия Майкова, Фета» (т. 5, с. 201). В статье-пародии Салтыков высмеивает, с одной стороны, пустоту содержания большей части современных балетных постановок, далеких от действительности, с другой – само искусство, погруженное исключительно в «вечное». Салтыков, надев маску нигилиста Базарова, показывает неразумность происходящего на сцене («галиматья»), предлагая нарочито примитивные интерпретации поступков, движений, жестов персонажей – «картонных кукол». При этом присовокупляя: обнаженное тело – «возбуждающий балетный ингредиент». Завершается рецензия альтернативной программой – пародией на балет¹⁴.

¹² О диалогичности в критике см.: Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Л.: Советский писатель, 1980; Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...» Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. СПб.: Лицей, 2001; Штейнгольд А. М. Анатомия литературной критики: (Природа, структура, поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003 (Акад. тип. Наука РАН); Штейнгольд А. М. Диалогическая природа литературной критики // Русская литература. 1988. № 1. С. 60–78 и др.

¹³ Нельзя не согласиться с Ю. В. Лебедевым, считающим, что критик Щедрина оставался в рамках жанра: «... в отличие от кригигов-радикалов писаревского и зайцевского толка, эстетически чуткий Щедрин удерживался на грани и никогда не приходил к принципиальному “разрушению эстетики”, к выводам сугубо утилитарного характера» [Лебедев, 1983, с. 118].

¹⁴ См. о пародии у Щедрина: Ищенко И. Т. Пародии Салтыкова-Щедрина. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 1973; Преображенский С. Ю. Пародийное слово М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русская речь. 1983. №2. С. 29–33; Уляндра В. Ф. Русская пародия 1850–1860-х годов и пародийные формы в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVII-XIX веков. М.: Наследие, 1998. С. 99–113; Уляндра В. Ф. Жанр пародии в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина 70-х гг. // Проблемы литературных жанров: Материалы научной межвузовской конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987, с. 72–74 и др.

Маленький, вскользь брошенный штрих в рецензии на Фета (место поэта «там, где кузнечики-цикады поют свой радостный гимн»¹⁵, т. 5, с. 384), разрастается в другой рецензии, посвященной К. Павловой (Современник, 1863, № 6, отд. II, с. 311–316), в обширное рассуждение о ничтожности, пустоте, бессодержательности далекой от реальной действительности «мотыльковой поэзии» (вариант: мотыльково-чижиковой), к которой Салтыков, наряду с Павловой причислил и Фета. Критик, надев маску персонажа, напоминающего тургеневского Базарова, предлагает буквалистское прочтение поэтической образности Павловой (см. пассаж-ответ в духе материалистической философии об абсурдном и лишенном здравого смысла желании поэта сделаться мотыльком). Смешивая две сферы – поэтическую и реальную, Салтыков низводит «мотыльковую» поэзию с небес на землю, обнажая сермяжную основу эфирного бытия таких поэтов. В этом смысле актуален выпад против самого Фета: Салтыков «прошелся» по личности Фета, занявшегося хозяйством (эпизод суда с мужиком из-за 11 руб., описанный в публицистических статьях Фета), иронично намекая на то, что эта денежная сумма – условие существования поэта («для того, чтобы предаваться сладкозвучным играм, нужны эти 11 руб.», т. 5, с. 365–366)¹⁶.

По сути дела, Салтыков-Щедрин обрушивается здесь на романтизм, эстетика и идеология которого ему чужда, причем тактика ниспровержения романтизма очень напоминает Белинского в 40-е гг., доказывающего нежизнеспособность романтизма. И хотя комментаторы связывают выпад Салтыкова с именами Шаликова и Шевырева (т. 53 с. 647), в объектив сатиры попадает и В. А. Жуковский: мотылек – один из «персонажей» его поэтических произведений, символ души («Мотылек и цветы», «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» и др.¹⁷, а если посмотреть еще далее по шкале времени, то возникнет имя философа Платона¹⁸).

¹⁵ Упоминание кузнечиков и цикад – отсылка к поэме Я. П. Полонского «Кузнечик-музыкант», написанной в 1859 г. Таким образом, и Полонский оказывается причисленным к «мотыльковой школе».

¹⁶ См. у Лаврецкого: «Утонченный современный поэт превращается в условиях обострившейся классовой борьбы в того старого «зверобоя», превосходством над которым так недавно еще гордился, и в этом превращении остается верен себе: он в сущности защищает свою музу, которая была и осталась крепостнической в самых бесплотных своих песнях» [Лаврецкий, 1931, с. 592].

¹⁷ См. у Семенко: «Известно, что Пушкин пришел в восторг от стихотворения «Мотылек и цветы» и не принял только ту его часть, в которой возобладал дидактически-морализаторский тон: «Что прелестнее строфы Жуковского *Он мнил, что вы с ним однородные* и следующей. Конца не люблю». Пушкину запомнились стихи: «Пускай же к вам, резвясь, ласкается, / Как вы, минутный ветерок; / Иною прелестью пленяется / Бессмертья вестник, мотылек» [Семенко, 1959, с. XLVI].

¹⁸ В диалоге «Ион» Платон сравнил поэта с пчелой: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз. И они говорят правду: поэт – это существо легкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и иступлённым и не будет в нем более рассудка; а пока у человека есть этот дар, он не способен творить и пророчествовать» [Платон, т. 1, 1990 г., с. 376–379, <https://vikent.ru/enc/1111/>].

Но, разрушая представления о полисемантической и метафоричности романтического слова, Салтыков невольно прочертил мифопоэтическую перспективу поэзии Фета (см. принцип «стать природой» в его наивысшем проявлении в одном из поздних стихотворений: «Злая старость хотя бы всю радость взяла, / А душа моя так же пред самым закатом / Прилетела б со стоном сюда, как пчела, / Охмельть, упиваясь таким ароматом. /И, сознание счастья на сердце храня, / Стану буйства я жизни живым отголоском» [Фет, т. 5/1, с. 225]¹⁹).

В публицистических очерках Щедрина «Наша общественная жизнь» (Апрель 1863 г.) Фет упоминается не единожды.

Салтыков-Щедрин, обращаясь к личности Фета, скрывшегося от общественных потрясений в деревне, нашел для определения его деятельности едкие формулы: «сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять по почеловеконенавистничает» (т. 6, с. 59–60). Напрямую связывая содержание теперешней поэзии Фета с его публицистикой, Салтыков находит в лирике Фета идеологический «подтекст» (Семен, который должен Фету 11 руб., крестьянские гуси, которые потравили пшеницу и др.). Включая Фета в рассуждения о справедливости по отношению к ущемленному дворянину, о необходимости наказания вольнонаемных, виновных в грехах, Салтыков использует иронию как инструмент разоблачения мелочности Фета, проявившего в ситуации с крестьянами «твердость характера» и «политическую неуступчивость». Салтыков не оставляет камня на камне от Фета, разбивая его тезисы, напомнив при этом о «мотыльковой поэзии», назначение которой – утешение читателя до «новой пакости».

Проблемы интертекста чрезвычайно актуальны для Салтыкова-Щедрина²⁰.

Заданная статьями позиция в оценке Фета получает воплощение в художественной прозе Салтыкова-Щедрина, где поэзия Фета цитируется, обыгрывается, таится в подтексте.

Самые частотные по цитированию у Салтыкова – два стихотворения Фета: «Я пришел к тебе с приветом» и «На заре ты ее не буди».

Так, в «Губернских очерках» («Праздники») романс «На заре ты ее не буди» исполняет бедный мальчик, у которого нет ни елки, ни пряников, как бы демонстрируя «сближение слоев» (тема более поздних размышлений Салтыкова). В описанной ситуации развернут тезис из рецензии на поэзию Фета Ап. Григорьева, где утверждается, что поэзия пошла в народ (это песня, «сделавшаяся почти

¹⁹ См.: [Козубовская, 2012].

²⁰ См. о цитатах: Вдовин А. В. Евангельские реминисценции в образе Иудушки Головлева // Библия и национальная культура. Пермь, 2004. С. 201–204; Волкова Т. В. Пушкин в творческом сознании М. Е. Салтыкова-Щедрина // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. памяти проф. Р. Д. Кузнецовой. Тверь, 1999. С. 49–58; Строганова Е. Н. «Бородавка на носу» у Гоголя: «библиографические» заметки // Культура и текст. СПб.; Барнаул, 1997. Вып. 1. Литературоведение. Ч. 1. С. 110–113; Строганова Е. Н. «Не до Пушкиных нам»: (Пушкин в «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 158–164 и др.

народной», ОЗ, 1850, № 1, с. 71). В рецензии Салтыкова – диалог с Григорьевым: согласившись с критиком («романсы его распекает чуть ли не вся Россия», т. 5, с. 383), он тут же иронично прошелся по «сомнительному» вкусу композиторов, выбирающих «пески, наименее удавшиеся, в числе которых «На заре ты ее не буди» и «Не отходи от меня» (т. 5, с. 383).

Выбранная цитата из Фета в заглавии одного из рассказов цикла «Помпадуры и помпадурши»²¹ («На заре ты ее не буди») полифункциональна.

Цитата к рассказу о Митеньке Козелкове, губернаторе-пампадуре Семногорска (герой явлен в период своего «созревания»), формирует «событийность» рассказа. «Эротический» мотив, заложенный в поэтическом тексте (кстати, в фетовском стихотворении – явная отсылка к пушкинскому «Зимнему утру» – «Пора, красавица, проснись», правда, в зеркальной проекции), возникает на стыке двух глав: в финале предшествующей главы Митенька видит сон, в котором маячат две фигуры – ресторатора Дюссо, которому он не заплатил за обед, и «хорошенькой предводительши». Сон, сопрягая явь и мечту, обнажает мерцающие в подсознании персонажа некие «готовности», пока еще не выявленные.

Эротический мотив – в тайных мечтах Митеньки: зависть к тем, над кем не висит бремя власти, и кто может позволить себе все, что хочет (у него даже дух занялся от одной мысли о вожденной даме), чуть было не привела к новому указу об усилении власти. Парадокс прозы Салтыкова в том, что, не принимая поэзии Фета, он опирается на некоторые принципы его поэтики: семантические узлы, фокусирующие мотивы, формируют текст, в котором рассеяна фетовская образность. Мифологема «женщина-цветок» развернута в воссозданной атмосфере «губернского веселья», сопровождающего выборы: «выставка цветов» – пышущие ароматами и румяные от мороза прекрасные дамы, уносящиеся на тройках, вздымающих снежную пыль, бал с музыкой, танцами и кокетливыми взглядами, обращенными к молодым мужчи-

²¹ См. у Ю. В. Лебедева, показавшего отличие приема цитирование у Белинского и Щедрина: «Если у Белинского, например, цитатный метод был средством бережного проникновения во внутренний мир произведения, то у Салтыкова цитатность чаще всего облекалась в форму пародийно-сатирического ниспровержения идейно-художественной системы враждебного ему писателя. Для Щедрина-критика важно было не только указать на противоречивые стороны рецензируемого произведения, но и сатирически заострить их. Для достижения критического эффекта он подчеркнуто укрупнял писательские просчеты и слабости, сатирически деформировал произведение или поэтическую систему в целом, разрушая их естественные пропорции. Эта деформация не была произвольной, скорее наоборот: с ее помощью Щедрин обнажал скрытые, а подчас и завуалированные, но тем не менее существующие противоречия художественного мира писателя, выводил наружу такие “готовности” его образного мышления, которые ускользали» [Лебедев, 1983, с. 117]. См. о цикле: См. о цикле: Постникова Е. Г. Мифология власти и архетип самозванства в «Помпадурах и помпадуршах» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 11 (192). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. С. 104–110; Постникова Е. Г. Миф о культурном герое нового времени и образ Петра I в «Помпадурах и помпадуршах» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185) и др.

нам. Намек на уже почти состоявшийся выбор фаворитки, не устоявшей перед «обаянием административной власти», – в описании переживаний баронессы, млеющей от взгляда Митеньки и вождевающей его. Салтыков использовал прием Фета – сопряжение двух слов с полярным значением в одной формуле («жутко и сладко»; первое – составляющее балладного ужаса, второе – одно из частотных у Фета, выражающее высшую степень наслаждения).

В первоначальном обозначении Салтыкова жанра рассказов как «романсов» очевидно экспериментаторство с фетовским текстом: обыгрывая «бес-содержательность» фетовского романа, наполняя его новым содержанием, Салтыков создает пародию²². У Салтыкова романс – это «романс в действии»: на первый план выдвигается «мысль», отсутствующая у Фета, она становится нервом прозаического сюжета Салтыкова-Щедрина. «Рефлексирующий» герой, озабоченный недостатком информации, замыслив «овладеть движением», делает шаг навстречу финальному проявлению своей власти: «Раззорю!» (это уже в другом рассказе). Вняв совету правителя канцелярии – сталкивать лбами разные партии, Митенька, подослав к ним шпиона-исполнителя, добивается своего. Энтомологический мотив в размышлениях Митеньки (о пауке, плетущем свою паутину, в которую неизбежно попадают мухи) – есть мысль, превращенная в действие. Так, «мотыльковая поэзия» – предмет рассуждений в рецензиях Салтыкова о поэзии Фета и К. Павловой – получает «заземление» в прозе писателя.

Скользкий по поверхности, но цепко держащийся за власть, возомнивший себя царем, Козелков – «шут гороховый», лгун, пустомеля, самозванец, взошедший на трон, который эволюционирует от архетипа царя благодушного к наказующему, есть не что иное, как проявление «призрачной действительности». За фигурой Митеньки – подтекст: полемика с Фетом, который, по мнению Салтыкова, ностальгирует по крепостному праву²³.

По мнению И. В. Немыкиной, «чрезвычайно насыщенное реминисценциями, творчество этого писателя относится к периоду, который подготовил эпоху “цитатной литературы”, становящейся объектом пристального внимания лишь в последние десятилетия» [Немыкина, 2006, с. 3].

Цитата у Салтыкова – инструмент воссоздания мировидения персонажа.

В цикле «Благонамеренные речи» («Благонамеренная повесть») Рассказчик, страдающий от безгеройности современной жизни, в которой нет

²² О «музыкальной поэтике» Щедрина см.: Ауэр А. П., Борисов Ю. Н. Поэтика музыкальных и символических образов М. Е. Салтыкова-Щедрина: Монография. Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета, 1988.

²³ «Используя реминисцентную составляющую в сатирических целях, полемизируя с автором интекста, отрицая или утверждая его концептуально-художественную ценность, Щедрин находится в постоянном диалоге с литературной действительностью, сопоставляя её с реальной действительностью» – подчеркивает И. В. Немыкина [Немыкина, 2006, с. 20].

подвигов любви, цитирует «Шепот...», по-своему интерпретируя содержание фетовского шедевра. «Подкованный» читатель, отметил фетовскую «безглагольность», и, попав под обаяние Фета, использует фетовскую образность («сладостный разговор с любимой женщиной», т. 11, с. 509). Но, продолжая Фета, где недосказанностью отмечен финал, он разворачивает ситуацию в духе бульварных романов, уничтожая фетовскую чистоту и трепетность. Фетовский шедевр, оказавшись в контексте кругозора современного «благонамеренного» человека, для которого любовь «хороша тем, что все в ней благонамеренно и политически благонадежно» (т. 11, с. 510), приобретает пародийный смысл. Салтыков, намекая на связь эстетики и политики, прошелся и по эстетике «чистого искусства», причисляя Фета к «охранителям» общественного строя. Заметим, что независимо от политической позиции Салтыкова описанная ситуация демонстрирует многосмысленность поэтического текста и неоднозначность его интерпретаций.

Иносказательно использованная цитата, как правило, включена в кругозор героя, который приспособливает ее к ситуации.

Так, неопубликованном продолжении «Дневника провинциала в Петербурге» – «В больнице для умалишенных» (1873), где Салтыков хотел в заостренной форме показать «безумие жизни», финальные строки стихотворения Фета «Я пришел к тебе с приветом», кстати, вызывавшие наибольшее число нареканий у критиков («...не знаю, что буду петь, но только песня зреет» [Фет, т. 1, с. 166]), использованы как «диагноз» «сумасшедшего» Ванечки: «Ты, по выражению Ф., никогда не знаешь, что будешь петь, но не знаешь именно потому, что твоя песня всегда созрела» (т. 10, с. 617). Здесь цитата – часть «эзопова языка».

В незавершенном произведении «Похороны» процитированные рассказчиком фетовские строчки («...лес проснулся...», т. 12, с. 410) – образная картина эпохи Возрождения в России, способствующая пробуждению литературы: «Из сфер отвлеченных, заоблачных она сходила на арену действительности, делалась участницей жизненного праздника, будила общество, ставила вопросы и блюла за их решением» (т. 12, с. 410). Однако восторженный порыв рассказчика остановлен ворчанием Пимена Коршунова, его лейтмотивной фразой: «Боюсь я: гаду много в литературе заведется» (т. 12, с. 410).

А в неоконченных «Господах ташкентцах. Воспоминания одного просветителя. Нумер второй», где рассказчик, в традициях романа воспитания излагая историю своих грехопадений, описывает эпизод наставления Полем Беспалым (герой оказался в тупиковой ситуации: воспитанный в идеях благородного рыцарства, при попытке поступления на службу, понял, что не имеет «принципов», а это обязательное условие для чиновника). Машинально насвистывающая романс «На заре...», Поль начинает иронично рассуждать о России, переиначив смысл фетовского романа: «Вот этот-то самый романс нас и сгубил...

Если бы тогда “ее не будили”, кто знает, может быть, все оставалось бы на своих местах» (т. 10, с. 567). Ключевое слово «пробуждение» – из революционно-демократического лексикона – традиционно связывалось с активизацией всех слоев населения. Образ неподвижной России, пребывающей в вечном сне, в патриархальном покое, – центральный в русской литературе XIX в. (Герцен, Гончаров и др.). Мотив спящего богатыря – непробужденного народа – в прозе Гоголя и в поэзии Некрасова («Ты проснешься ль, исполненный сил»), в концепциях народников. Романс «опрокинут» в современную действительность с ее спорами о России различных политических партий.

Упоминания Фета выполняют функцию намек на состояние современного человека. Так, в «Письмах к тетеньке» застольное общение с Глумовым (герой Островского извлечен из комедии драматурга и помещен в другую социально-политическую ситуацию – один из излюбленных приемов Салтыкова), который предрекает неизбежные метаморфозы собеседнику («К тому времени, как все-то устроится, ты такой скотиной сделаешься, что не только Пушкина с Лермонтовым, но и Фета с Майковым понимать перестанешь...»), явленные визуально после обеда в зеркале, куда заглянул рассказчик («Из глаз поросенок с хреном глядит», т. 14, с. 287), демонстрируя материализованную мысль. Процесс оскотинивания в ситуации сплошных сумерек, когда для счастья человеку нужны пирог с капустой и утка с груздями, выражается в сознании ненужности литературы («Не до Пушкина нам», т. 14, с. 286). Это намек на съезжившуюся жизнь, где молчание – условие самосохранения, а трусость – закон жизни.

Достаточно часто в оптике Салтыкова оказывается неназванный Фет, причисленный к ностальгирующим по крепостному праву.

Так, в очерке «Первое мая» из цикла «Круглый год» в споре рассказчика с его племянником о назначении литературы («И небо, и соловьи, и розы», т. 13, с. 466; или «нашей литературе суждено навеки пропахнуть мужиком?», т. 13, с. 467), – намек на Фета: «Но теперь ты не найдешь двух литераторов, которые решились бы беседовать о розах и соловьях, и даже те, которые когда-то считались мастерами в этом роде, – и те ныне пускают шип по-змеиному» (т. 13, с. 466), обрушившегося на своих идеологических противников в необычном для него жанре. Здесь отсылка к басне Фета «Крысы» (1879), в которой содержатся выпады против революционно-демократического искусства.

В «Дневнике провинциала» (1872) Фет упомянут в эпизоде встречи героя-рассказчика на Международном съезде статистов – «роскошном пиршестве науки» (куда привело его «сладкое сознание» – опять фетовское словечко – «что не лыком шит») с персонажами тургеневских романов и повестей. Выпад против дворянской культуры в предложении « послушать арфисток», содержащем намек на замещение духовного плотскими утехами. Переигрывание сюжетов тургеневских произведений – в путанице «литературного» и «реального», в переворачивании придуманных (искусственных, нежизненных)

сюжетов²⁴. Помещая тургеневских персонажей в новую реальность, Салтыков заостряет внимание на метаморфозах, случившихся с ними: логически продолжая их истории, писатель низводит героев этих историй, перечеркивая и природное обаяние, присущее им, и высокие идеалы, и страдания, ими испытанные. Так, Веретьев, изумляющий присутствующих дам изображением мухи, издевательски-пародийно низведен до комара: его появлению предшествует комариное жужжание. Погружение персонажей в серые будни, которое в пушкинском «Евгении Онегине» как «обыкновенная история» («... служанок, била, осердясь»), у Салтыкова заострено и пародийно обыграно: так, трагическая судьба Маши, утопившейся от несчастной любви к Веретьеву, переименована: ее «вытащили», она вышла замуж за Чертопханова (героя другого рассказа из «Записок охотника»). Авторы примечаний указывают на «ошибку» Салтыкова: в рассказе есть цыганка Маша, не имеющая никакого отношения Марии Павловне Ипатовой, героине повести «Затишье»; смысл ошибки не совсем ясен; но пренебрежение к тургеневским персонажам очевидно: имеет 8 детей, и вообще она не Маша, а «Марыица». И главное: «так сильно штрафует крестьян за потраву, что даже Фет – и тот от нее бегать стал!» (т. 10, с. 776). Выпад против Фета касается отношения Салтыкова к фермерству Фета и его статьям, в которых изложена программа его «лирического хозяйства». Выразив отношение к Фету и его фермерству в статье «Наша общественная жизнь» (ОЗ, 1863), Салтыков не раз потом возвращался к этой оценке.

Обладая тонким эстетическим чутьем, Салтыков-Щедрин не мог не понимать истинного смысла таланта Фета, но, преданный своим революционно-демократическим идеям, он искажал в своих оценках художественную картину мира поэта, подчеркивая пустоту содержания его «мотыльковой поэзии», ее равнодушные к вопросам современности, ее ненужность и никчемность в современной мире. Уходя от анализа поэзии Фет в своей критике, Щедрин, не разграничивая личность и особенно общественную позицию Фета, абсолютно неприемлемую для него, с поэтическими произведениями Фета, превращаясь таким образом в буквалиста, вчитывающего в текст затекстовую реальность. Однако, цитируя Фета в своей прозе по разным поводам, Щедрин обнаруживает себя: в самих механизмах цитирования Фета, в виртуозном обыгрывании фетовского поэтического мира, как раз и обнажается глубокое понимание фетовских новаций.

²⁴ Полемиически воспроизводя «готовые» образы в своей прозе, сатирик утверждает собственную этическую и эстетическую концепцию Немыкина, с. 7. Воздействуя на культурную память читателя, Салтыков-Щедрин приобщает и его диалогу с художественными идеями и открытиями предшественников и современников. С. 12. См. о «заимствованных персонажах»: Рыжов В. В. «Вторая жизнь» литературного образа: Гоголевские герои в сатире Салтыкова-Щедрина // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. Калинин, 1988. С. 37–43; Садовская Е. Ю. Герой Щедрина как пародийный образ // Эйхенбаумовские чтения. Вып. 4: Материалы междунаrodn. конф., посвященной 70-летию Воронежского гос. пед. ун-та. Воронеж, 2003. Вып. 4. С. 121–126; Степанова М. Б. Заимствованные образы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44. №44. С. 330–339; Чернец Л. В. Виды заимствования литературного персонажа и творчество Салтыкова-Щедрина // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. Калинин, 1988. С. 44–57 и др.

Условные сокращения

ЛН – А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. / отв. ред. Т. Г. Динесман. – Москва: ИМЛИ РАН, 2008–2011.

[МВ] – Фет А.А. Мои воспоминания.

[ОЗ] – Отечественные записки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т. Г. Динесман. – Москва: ИМЛИ РАН, 2008. – 990 с. – (Литературное наследство. Т. 103) / Ред.: Н. В. Котрелев, Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.), А. С. Курилов, П. В. Палиевский, Л. М. Розенблюм, Н. Н. Скатов, Л. А. Спиридонова).

А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 2 / ответственный редактор Т. Г. Динесман. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011. – 1037 с. – (Литературное наследство; т. 103).

Достоевский, Ф. М. Г-н – бов и вопрос об искусстве / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XVIII. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 74–78.

Лаврецкий, А. Щедрин – литературный критик / А. Лаврецкий // Литературное наследство. Т. 11–12. – Москва: Изд-во Академии Наук СССР; Наука, 1931. – С. 575–656.

Лебедев, Ю. В. О проблематике и поэтике литературно-критических работ М.Е. Салтыкова-Щедрина / Ю. В. Лебедев // Русская литература. – 1983. – № 3. – С. 112–128.

Михайловский, Н. К. Из книги «Литературные воспоминания и смута» / Н. К. Михайловский // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. – Москва, 1975. – С. 109–141.

Немыкина, И. В. Поэтика «чужих» образов в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Специальность: 10.01.01 – Русская литература. – Воронеж, 2006 / И. В. Немыкина. – 24 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Художественная литература, 1965–1977.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. Критика и публицистика. 1856–1864 / [тексты подгот. и примеч. сост. И. М. Белявская, Д. И. Золотницкая, В. Я. Кирпотин, Р. Я. Левит, И. М. Лурье, С. А. Макашин, Н. С. Никитина, В. В. Прозоров, П. С. Рейфман, Л. М. Розенблюм, П. Г. Рындынский, И. Т. Трофимов]. – Москва: Художественная литература, 1966. – 711 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. Наша общественная жизнь. 1863–1864. Статьи. 1863. Журнальная полемика. 1864 / [тексты подгот. В. Э. Боград; примеч. сост. А. А. Жук, Н. Ю. Зограф, В. Я. Кирпотин, Р. Я. Левит, С. А. Макашин, В. А. Мысляков, Е. И. Покусаев, П. С. Рейфман, Л. М. Розенблюм, Г. Ф. Самосюк]. – Москва: Художественная литература, 1868. – 740 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 10. Господа ташкентцы. 1869–1872. Дневник провинциала. 1872. В больнице для умалишенных. 1873 / [тексты подгот. В. Н. Баскаков, Д. М. Климова; примеч. сост. Л. Р. Ланский, А. М. Турков]. – Москва: Художественная литература, 1970. – 839 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 11. Благонамеренные речи. 1872–1876 / [тексты подгот. В. Н. Баскаков, Д. М. Климова; примеч. сост. Т. Г. Динесман, Ф. Ф. Кузнецов, С. А. Макашин]. – Москва: Художественная литература, 1971. – 655 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. Господа Головлевы. 18751880. Убежище Монрепо. 18781879. Круглый год. 18791880 / [тексты подгот. В. Н. Баскаков, В. Э. Боград, Д. М. Климова; примеч. сост. В. В. Прозоров, В. А. Мысляков, П. С. Рейфман]. – Москва: Художественная литература, 1972. – 814 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. За рубежом. 1881. Письма к тетеньке. 18811882 / [тексты подгот. Т. М. Велембовская, М. И. Малова; примеч. сост. С. А. Макашин]. – Москва: Художественная литература, 1972. – 704 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 18, кн. 1. Письма. 18391868 / [тексты подгот. М. Я. Блинчевская, В. Э. Боград, Д. М. Климова, С. А. Макашин; примеч. сост. М. Я. Блинчевская, В. Э. Боград, С. А. Макашин]. – Москва: Художественная литература, 1975. – 350 с.

Семенко, И. М. В. А. Жуковский / И. М. Семенко // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. V–LII.

Сорочан, А. Ю. А. А. Фет как литературный критик / А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов // Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. – Санкт-Петербург: ФОЛИО Пресс, 2006. – С. 415–438.

Фет, А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – 480 с.

Фет, А. А. Воспоминания: в 3 т. / А. А. Фет. – Репр. изд. – Москва: Культура, 1992. – Т. I. – 452 с.

Фет, А. А. Воспоминания: в 3 т. / А. А. Фет. – Репр. изд. – Москва: Культура, 1992. – Т. II. – 403 с.

Фет, А. А. Воспоминания: в 3 т. / А. А. Фет. – Репр. изд. – Москва: Культура, 1992. – Т. III. – 554 с.

Фет, А. А. Собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1 / А. А. Фет. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – 550 с.

Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. / А. А. Фет. – Санкт-Петербург: ФОЛИО Пресс, 2006. – 518 с.

Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 5/1 / А. А. Фет. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2014. – 696 с.

REFERENCES

- A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie:** v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. – Moskva: IMLI RAN, 2008. – 990 s. – (Literaturnoe nasledstvo. T. 103) / Red.: N.V. Kotrelev, F.F. Kuznecov (gl. red.), A.S. Kurilov, P.V. Palievskij, L.M. Rozenblyum, N.N. Skatov, L.A. Spiridonova).
- A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie:** v 2 kn. Kn. 2 / otvetstvennyj redaktor T.G. Dinesman. – Moskva: IMLI RAN, 2011. – 1037 s. – (Literaturnoe nasledstvo; t. 103).
- Dostoevskij, F. M.** G-n – bov i vopros ob iskusstve / F.M. Dostoevskij // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. XVIII. – Leningrad: Nauka, 1978. – S. 74–78.
- Fet, A. A.** Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe hozyajstvo / Vstup. stat'ya, sost., podg. teksta i komment. V.A. Kosheleva i S.V. Smirnova. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 480 s.
- Fet, A. A.** Vospominaniya: v 3 t. / A. A. Fet. – Repr. izd. – Moskva : Kul'tura, 1992. – T. I. – 452 s.
- Fet, A. A.** Vospominaniya: v 3 t. / A. A. Fet. – Repr. izd. – Moskva : Kul'tura, 1992. – T. II. – 403 s.
- Fet, A. A.** Vospominaniya: v 3 t. / A. A. Fet. – Repr. izd. – Moskva: Kul'tura, 1992. – T. III. – 554 s.
- Fet, A. A.** Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 1 / A. A. Fet. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2002. – 550 s.
- Fet, A. A.** Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 3. / A. A. Fet. – Sankt-Peterburg: FOLIO Press, 2006. – 518 s.
- Fet, A. A.** Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 5/1 / A. A. Fet. – Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2014. – 696 s.
- Lavreckij, A.** Shchedrin – literaturnyj kritik / A. Lavreckij // Literaturnoe nasledstvo. T. 11–12. – Moskva: Izd-vo Akademii Nauk SSSR; Nauka, 1931. – S. 575–656.
- Lebedev, Yu. V.** O problematike i poetike literaturno-kriticheskikh rabot M.E. Saltykova-Shchedrina / Yu.V. Lebedev // Russkaya literatura. – 1983. – № 3. – S. 112–128.
- Mihajlovskij, N. K.** Iz knigi «Literaturnye vospominaniya i smuta» / N.K. Mihajlovskij // M.E. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. T. 2. – Moskva, 1975. – S. 109–141.
- Nemykina, I. V.** Poetika «chuzhih» obrazov v proze M.E. Saltykova-Shchedrina: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Special'nost': 10.01.01 – Russkaya literatura. – Voronezh, 2006 / I.V. Nemykina. – 24 s.
- Saltykov-Shchedrin, M. E.** Sobranie sochinenij: v 20 t. / M.E. Saltykov-Shchedrin. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1965–1977.
- Saltykov-Shchedrin, M. E.** Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 5. Kritika i publicistika. 1856–1864 / [teksty podgot. i primech. sost. I.M. Belyavskaya, D.I. Zolotnickaya, V.Ya. Kirpotin, R.Ya. Levit, I.M. Lur'e, S.A. Makashin, N.S. Nikitina, V.V. Prozorov, P.S. Rejfmán, L.M. Rozenblyum, P.G. Ryndzyunskij, I.T. Trofimov]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1966. – 711 s.

Saltykov-Shchedrin, M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 6. Nasha obshchestvennaya zhizn'. 1863–1864. Stat'i. 1863. Zhurnal'naya polemika. 1864 / [teksty podgot. V.E. Bograd; primech. sost. A.A. Zhuk, N.Yu. Zograf, V.Ya. Kirpotin, R.Ya. Levit, S.A. Makashin, V.A. Myslyakov, E.I. Pokusaev, P.S. Rejfmán, L.M. Rozenblyum, G.F. Samosyuk]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1868. – 740 s.

Saltykov-Shchedrin, M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 10. Gospoda tashkentcy. 1869–1872. Dnevnik provinciala. 1872. V bol'nice dlya umalishennyh. 1873 / [teksty podgot. V.N. Baskakov, D.M. Klimova; primech. sost. L.R. Lanskij, A.M. Turkov]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1970. – 839 s.

Saltykov-Shchedrin, M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 11. Blagonamerennye rechi. 1872–1876 / [teksty podgot. V.N. Baskakov, D.M. Klimova; primech. sost. T.G. Dinesman, F.F. Kuznecov, S.A. Makashin]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1971. – 655 s.

Saltykov-Shchedrin, M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 13. Gospoda Golovlevy. 1875–1880. Ubezshishche Monrepo. 1878–1879. Kruglyj god. 1879–1880 / [teksty podgot. V. N. Baskakov, V. E. Bograd, D. M. Klimova; primech. sost. V. V. Prozorov, V. A. Myslyakov, P. S. Rejfmán]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1972. – 814 s.

Saltykov-Shchedrin, M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 14. Za rubezhom. 1881. Pis'ma k teten'ke. 1881–1882 / [teksty podgot. T. M. Velembovskaya, M. I. Malova; primech. sost. S. A. Makashin]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1972. – 704 s.

Saltykov-Shchedrin, M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 18, kn. 1. Pis'ma. 1839–1868 / [teksty podgot. M. Ya. Blinchevskaya, V. E. Bograd, D. M. Klimova, S. A. Makashin; primech. sost. M. Ya. Blinchevskaya, B. E. Bograd, S. A. Makashin]. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 350 s.

Semenko, I. M. V.A. Zhukovskij / I.M. Semenko // Zhukovskij V.A. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1. – Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. – S. V–LII.

Sorochan, A.Yu. A.A. Fet kak literaturnyj kritik / A.Yu. Sorochan, M.V. Stroganov // Fet A.A. Sochineniya i pis'ma: v 20 t. T. 3. – Sankt-Peterburg: FOLIO Press, 2006. – S. 415–438.